
Каждой весной, когда расцветет сирень –
новая кукла, мамин медовый торт,
«больше пятёрок, слушайся, не болей»,
дома друзья, гости, бабушки. Каждый год,
только веснушки проклюнутся на носу -
«как подросла» и «стала совсем большой»
можно в честь праздника не заплетать косу,
чтобы казаться старше.

Теперь весной множатся свечи на покупной пирог,
новая люстра/платье/сковорода...
Только сирень все также за годом год
сладко цветет под окнами, никогда
не забывает.

Я не могу играть с тобой,
ведь я теперь совсем большая.

Настолько, что черкать обои
сама себе не разрешаю.
Не позволяю без причин
реветь (и по причинам тоже)
и не даю тащить к себе
домой всех беспризорных кошек.
Я заставляю есть супы,
мыть яблоки и чистить уши.

Одно не удалось - забыть,
как измерять глубины лужи.
Забыть кричалки и костры,
шалаш в лесу, карман в малине,
тебя и правила игры,
которых не было в помине.

Мягко, как снег с пальто,
с меня отряхнул спесь.
Ты мне сказал, что
место мое - здесь
останься, стихи качай
(захочется - колыбель).
Ты мне пообещал
не запирать дверь.
Видимо, сгоряча.
Разве ты будешь рад,
если я в поздний час
выйду под снегопад?

Живя от воскресенья до получки,
подчас нуждаюсь в творческом декрете.
Стихи ночами плачут, словно дети,
но не хватает сил их взять на ручки.

Я мечусь по лодке во время штиля -
в борт толкаю, прыгаю на носу.
Океан, который мы бороздили,
жадно черпаю краем, как ложкой суп.
Я не верю больше, что будет где-то
впереди земля, чтобы строить дом.
Накренимся, медленно канем в лету
или жизнь окажется кверху дном -
что угодно, лишь бы лишить покоя!
Как давно мы больше не влюблены?

И во всём океане не больше соли,
чем у нас на двоих вины

Эта птица свила гнездо у тебя в груди,
и её щебетанье заполнило пустоту:
каждый вечер она засыпала в твоей горсти,
подпевала на кухне радио поутру.
Перелетная птица. Сердце такой велит
бросить всё и до первых снегов улететь на юг:
ты зашторил все окна, спрятал календари,
чтобы дом не покинул созданный ей уют,
но однажды от снега забыл отряхнуть пальто -
и она упорхнула к вымышленным югам.
Ты тоскливо и виновато смотрел на то,
как за хрупкие плечи ее обняла пурга.

Смущая работников зала и даже слегка кассира,
стою, как девчонка плачу, не в силах себя сдержать.
Любимые слойки с вишней пропали из магазина
без шанса на возвращение. «Простите, нам очень
жаль».

И очередь загудела: «смотри-ка, какое горе»,
«во всем виноваты эти», «возьми да спеки сама».
Меня осторожно спросят «а может быть, с курагою?»
Но слезы не остановит ни яблочный джем, ни мак.

Все то, что я так любила, навечно застыло в кадре -
где утром ты варишь кофе, где булочка пополам.
И если ты мог исчезнуть, однажды забыв мой адрес,
то вот от вишневых слоев такого я не ждала.

В бумажных стаканчиках с кофе пенятся облака.
Мы можем заставить небо смущенно порозоветь,
когда говорим стихами. Читай для меня, пока
домой не проводим звёзды, пока не найдем рассвет.

На теле пустынных улиц растает ночной туман,
разбуженные трамваи потянутся на маршрут –
покажется эта ночь обрывком дурного сна,
где мы обращались в рифму то к Богу, то к Иртышу,
бросая слова и камни с размаху в речной поток.
Вот-вот зазвенит будильник.
Чуть-чуть - и вставать пора.
Светает.

Прошу, прочти мне последнюю пару строк.
И, может быть, я поверю, что сделана из ребра.

Речевой аппарат скован -
и ползвука не выйдет наружу, но
я ращу для тебя слово,
как неспешно растят жемчужину.

Это слово дрожит при ветре -
у него очень тонкая кожица.
Но однажды окно окрепнет
так, что прежде алмаз раскрошится.

Вот тогда и отвечу честно,
перестав пожимать плечами я.
А пока, не срывай завесу
и прости мне моё молчание.